

Гусакова Татьяна Германовна

**ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА)**

В статье предлагается типология языковых средств моделирования социальной самоидентификации персонажа, основанная на типологии средств самоидентификации человека в реальной коммуникации. Художественный текст понимается при этом как вторичная моделирующая система, автор которой воспроизводит в общих чертах реальную действительность. Выделяются вербальные (эксплицитные и имплицитные) и невербальные средства социальной самоидентификации персонажа. К исследованию привлекаются данные социолингвистики и лексической семантики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 102-108. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. **Голайденко Л. Н.** ЛСП представления в современном русском языке: ядро, лексико-семантический класс воображения и периферия (на материале художественной прозы) // Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (10 ноября 2015 г.). Красноярск: ИЦРОН, 2015. Вып. 2. С. 34-44.
8. **Голайденко Л. Н.** ЛСП представления в современном русском языке: ядро, лексико-семантический класс воспоминания и периферия (на материале художественной прозы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (52): в 2-х ч. Тамбов: Грамота, 2015. Ч. 2. С. 64-71.
9. **Голайденко Л. Н.** Фразеологизмы-экспоненты ЛСП представления: ядра, ЛСК воспоминания и периферии (на материале художественной прозаической речи) // Актуальные вопросы современных гуманитарных наук: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (10 марта 2016 г.). Екатеринбург: ИЦРОН, 2016. Вып. 3. С. 52-64.
10. **Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т.** Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Рус. яз., 1987. 448 с.
11. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Изд-е 4-е, доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.
12. **Философский энциклопедический словарь** / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблёва, В. А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2006. 576 с.
13. **Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв.:** в 2-х т. / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, 1991. Т. 1. А – Н. 340 с.
14. **Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв.:** в 2-х т. / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, 1991. Т. 2. О – Я. 274 с.
15. **Фразеологический словарь русского языка** / под ред. А. И. Молоткова. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
16. <http://book-online.com.ua/read.php?book=3407&page=5> (дата обращения: 25.04.2016).
17. <http://knizhnik.org/jurij-nevskij/zheleznye-igrushki-magnitnyj-potolok/24> (дата обращения: 25.04.2016).
18. http://lib.ru/RUSSLIT/AWERCHEKNO/rasskazy.txt_with-big-pictures.html#21 (дата обращения: 25.04.2016).
19. http://m.tululu.org/bread_9331_197.xhtml (дата обращения: 25.04.2016).
20. <http://tarranova.lib.ru/authors/t/truskin/silafrag.txt> (дата обращения: 25.04.2016).
21. http://www.e-reading.club/bookreader.php/11805/Voionovich_-_Zhizn%27_i_neobychainye_priklucheniya_soldata_Ivana_Chonkina._Lico_neprikosnovennoe.html (дата обращения: 25.04.2016).

**PHRASEOLOGICAL UNITS “TO CROSS ONE’S MIND”, “TO COME INTO ONE’S HEAD”,
“OCCUR TO SOMEBODY” AS THE UNIQUE EXPONENTS OF THE LEXICO-SEMANTIC
FIELD OF CONCEPTION (BY THE MATERIAL OF LITERARY TEXTS)**

Golaidenko Larisa Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Akmullah Bashkir State Pedagogical University
lngolaydenko@gmail.com

Polysemantic nature of the exponents of the lexico-semantic field (LSF) of conception – lexical and phraseological units with the meaning *memory/imagination* – frequently conditions the simultaneous equal attribution of many of them to the several segments of this lexico-semantic field. As the unique LSF polysemants the article examines phraseological units “to cross one’s mind”, “to come into one’s head”, “occur to somebody” which manifest flexibility within the LSF and non-correlation with a certain segment.

Key words and phrases: LSF of conception in the modern Russian language; the place of phraseological units with the meaning of conception in the appropriate LSF; unique polysemantic nature of the phraseological units “to cross one’s mind”, “to come into one’s head”, “occur to somebody” as the exponents of the LSF of conception.

УДК 81'42

В статье предлагается типология языковых средств моделирования социальной самоидентификации персонажа, основанная на типологии средств самоидентификации человека в реальной коммуникации. Художественный текст понимается при этом как вторичная моделирующая система, автор которой воспроизводит в общих чертах реальную действительность. Выделяются вербальные (эксплицитные и имплицитные) и невербальные средства социальной самоидентификации персонажа. К исследованию привлекаются данные социолингвистики и лексической семантики.

Ключевые слова и фразы: художественная модель; социальная самоидентификация; социальная идентичность; средства социальной самоидентификации; имплицитная самоидентификация; эксплицитная самоидентификация.

Гусакова Татьяна Германовна

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
gusakovatesol@gmail.com

**ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА)**

В условиях активных социальных перемен в постколониальном пространстве внимание филологии справедливо фокусируется на языковой репрезентации процесса самоидентификации – формировании представлений индивида о своем социальном «Я». Культурно-исторический и социальный контекст создания

и функционирования языкового произведения, отражение и преломление данного контекста в авторском мировидении и язык, как средство объективации индивидуально-авторского осмысления социальных реалий, признаются значимыми для описания текстового смысла. «В панязыковой и пантекстуальной позиции постмодернизма отчетливо прослеживается спецификация вербальных текстов, объективирующих идеологические, социальные, этические, этнические и прочие характеристики субъекта <...> В историческом плане тексты рассматриваются как риторические конструкты, интегрирующиеся с проблемами власти <...> Текстуальные исследования включаются в контекст институциональных практик и социальных структур [12, с. 81-82].

Целью данной статьи является разработка типологии языковых средств моделирования социальной самоидентификации в художественном тексте. Предлагается разграничить языковые (эксплицитные и имплицитные) и неязыковые (имплицитные) средства социального самопознания персонажа. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: уточнить содержательное наполнение понятий «социальная идентичность» и «социальная самоидентификация» в современной социологии и социальной психологии; систематизировать научные описания средств реальной социальной самоидентификации в современной социологии, социолингвистике и лингвистике; охарактеризовать как сложное языковое средство авторской социальной самоидентификации художественный текст, традиционно трактуемый как вторичная моделирующая система (Ю. М. Лотман); уточнить специфику языкового наполнения художественной модели социальной самоидентификации в современной англо-канадской и англо-британской литературе; с целью выявления авторского эмоционально-оценочного отношения к моделируемым социальным процессам проанализировать семантику языковых средств, функционально направленных на моделирование социальной самоидентификации персонажа.

Социальная самоидентификация и социальная идентичность относятся к ключевым понятиям антропоориентированной лингвистики.

В социологии и социальной психологии социальная самоидентификация понимается как самоопределение индивидов в социально-групповом пространстве относительно многообразных «своих» и «не своих» общностей [Там же, с. 163]. В основе социальной самоидентификации находится «сопоставление (или противопоставление) интересов, взглядов, ценностей, оценок, моделей поведения своей группы (общности) тем, которые полагаются не своими» [Там же, с. 164]. Социальное сравнение и отождествление себя с социальной группой проходит как сравнение и отождествление себя со «значимым другим»: родителем, учителем, сверстником, т.е. человеком, который воплощает присущие группе стереотипы поведения, нормы, цели, роли, установки и ценности. Результатом социальной самоидентификации называется социальная идентичность – «в разной степени артикулированное, переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к “своему” миру: самоотождествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями» [6]. В соответствии с выделяемыми социальными группами разграничивается ряд типов социальной самоидентификации и идентичности: расовая, гендерная, национальная, этническая, конфессиональная, имущественно-классовая, профессиональная, семейная, возрастная и т.д. [8, с. 17-20].

Социальное «Я» человека конструируется и становится объектом самопознания в процессе межличностного взаимодействия посредством символов. Слово или предмет вещного мира, «внешние символы роли» необходимы человеку для вхождения в роль [10, с. 39-40; 19]. Наиболее значимой среди знаковых систем человеческой социализации (жестовых знаков, стандартных телесных движений, различных систем материальных артефактов и т.д.) является система языковых знаков [1, с. 61-80].

Как показывает обзор лингвистических и социолингвистических исследований средств социальной самоидентификации личности в реальной коммуникации, они могут быть разделены на **языковые (вербальные) и неязыковые (невербальные) средства**.

Среди **языковых (вербальных) средств**, в свою очередь, могут быть выделены:

- **графические** (особенности орфографии, пунктуации, почерка, предпочтения шрифта, эмодикон и т.д.) [16, р. 15];
- **фонетические** (особенности сегментной фонетики – артикуляция звуков и звукосочетаний – и особенности просодии – тембр, темп, ритм, высотные характеристики, громкость речи, паузация) [7, с. 100-101; 16, р. 16];
- **лексические** (соционимы, предпочитаемые при социальной самокатегоризации (самонаименования) и социальной категоризации «Другого»; онимы, предпочитаемые при актах именования и переименования себя и «Другого»; топонимы как маркеры социального происхождения) [16, р. 25-28]; стилистически маркированная и немаркированная лексика, терминология [7, с. 97-98];
- **грамматические** (самоидентифицирующие высказывания, грамматические формы как маркеры социальных групп) [5, с. 9; 8, с. 152-158];
- **текстовые** (особенности тематики, жанровые и композиционные особенности текста, особенности использования прецедентных текстов и т.д.) [3, с. 358-362; 7, с. 103-104];
- **дискурсивные** (коммуникативные тактики и стратегии, формулы вежливости, речевые акты и т.д.) средства социальной самоидентификации [3, с. 358-362; 7, с. 103-104; 16, р. 28].

Языковые (вербальные) средства социальной самоидентификации можно далее подразделить на **эксплицитные и имплицитные** (в некоторых типологиях, – номинативные и имплицитивные, прямые и косвенные, описательные и выразительные [3, с. 362; 8, с. 31]), к которым соответственно относятся:

- **субстантивные или адъективные предложения, образованные по модели: «I, we + глагол-связка + таксономический (классифицирующий) предикат, выраженный соционимом-номинацией социальной категории» [5, с. 9-11; 8, с. 152-156] (эксплицитные языковые средства социальной самоидентификации);**

• социально-маркированные языковые формы разных уровней системы языка, ассоциируемые с определенными социальными группами (языковые «акты идентичности»); вербальное указание на собственные социально значимые умения, виды деятельности, личностные качества, особенности внешнего вида, иные фрагменты внеязыковой действительности, ассоциируемые с принадлежностью к той или иной социальной группе; различные языковые средства конструирования «Другого» [16, р. 7-8; 18, р. 182] (**имплицитные языковые средства социальной самоидентификации**).

Неязыковые (невербальные) средства социальной самоидентификации включают:

- «язык тела» (жесты, позы, мимику);
- внешность (цвет кожи, одежду, прическу);
- имущество, атрибуты исполняемой социальной роли;
- социально значимые личностные качества, умения, знания, виды деятельности, эстетические предпочтения и т.д.;
- «обстановку» – организацию личного пространства, ориентацию в общественном пространстве [2, с. 32-54; 21, р. 59-80].

Особый интерес для изучения языковых средств социальной самоидентификации представляет художественный текст, в котором автор при помощи языковых средств моделирует процесс социальной самоидентификации и его результат – социальную идентичность персонажа-квасисубъекта, т.е. вымышленного «Другого».

Заметим, что в текстах современной литературы авторская рефлексия и эксплицитная оценка тех ценностей социальной идентичности, которые, согласно авторской интенции, конструирует персонаж, обычно отсутствуют. Так, в текстах психологической прозы XX в., где доминирует имплицитно-подтекстовый способ повествования, они уходят в подтекст [11, с. 16], а в текстах постмодернистской прозы, реализующих иронический модус повествования, – высмеивается и девальвируется, хотя и предлагается читателю активно [4, с. 6-8]. В этом случае особую значимость для выявления оценки конструируемой социальной идентичности в индивидуально-авторской картине мира обретают актуализируемые в сознании читателя окказиональные и оценочные семы импликационала языковых единиц, посредством которых автор моделирует процесс социальной самоидентификации персонажа.

Предлагаемая ниже типология языковых средств моделирования социальной самоидентификации персонажа в англоязычной художественной прозе XX в. учитывает изложенную выше типологию средств социальной самоидентификации реального субъекта и включает три типа: 1) *эксплицитную языковую*, 2) *имплицитную языковую* и 3) *имплицитную неязыковую* социальную самоидентификацию. Типология основывается на понимании художественного текста как вторичной языковой моделирующей системы, воспроизводящей в общих чертах фрагменты реальной действительности [9 с. 21-27; 12, с. 72-73; 13, с. 88-187].

1) **Эксплицитная языковая социальная самоидентификация персонажа.**

Характеристика типа самоидентификации: персонаж, согласно авторской интенции, прямо причисляет себя к той или иной социальной группе (прямо номинирует себя). Текстовый фрагмент имитирует социальную рефлексия или прямую речь главного персонажа.

Языковые маркеры самоидентификации:

- **соционим** (лексема, номинирующая социальную группу, с которой отождествляет себя персонаж);
- **субстантивное или адъективное предложение**, образованное по модели: «местоимение 1 лица ед. или мн. числа *I, we* + глагол-связка + таксономический (классифицирующий) предикат, выраженный соционимом».

2) **Имплицитная языковая социальная самоидентификация.**

Характеристика типа самоидентификации: персонаж, согласно авторской интенции, конструирует социальную идентичность посредством речи, не называя прямо социальную категорию, к которой себя относит.

Языковые маркеры самоидентификации:

- «языковые акты идентичности» – **графические, лексические, грамматические, текстовые и дискурсивные языковые единицы** в речи персонажа, указывающие на принадлежность к социальной группе.

3) **Имплицитная неязыковая социальная самоидентификация персонажа.**

Характеристика типа самоидентификации: персонаж, согласно авторской интенции, конструирует социальную идентичность невербальными средствами.

Языковые маркеры самоидентификации:

- **языковые единицы, формирующие портретную характеристику персонажа и косвенно указывающие на его социально-групповую принадлежность:** обозначения частей тела и лица, мимики, жестов, прически, одежды, а также психологических качеств, умений, особенностей поведения и т.д.;
- **языковые единицы, формирующие интерьерные и пейзажные описания и косвенно указывающие на социально-групповую принадлежность:** обозначения пространственных объектов и пространственных характеристик действительности, например, лексические единицы с семантикой абстрактного отношения частей или сторон объекта к самому объекту (верх\низ, центр\периферия, стороны, внутренность\поверхность); лексические единицы, обозначающие место или пространство; наречия и предлоги с пространственной семантикой; топонимы и географические термины; глаголы со значением местонахождения и движения в пространстве; лексемы, обозначающие форму пространства и наполняющих его предметов; лексемы непространственного значения, которые могут функционировать как таковые в контексте.

Проиллюстрируем предложенную типологию на материале фрагментов романов М. Этвуд “Cat’s Eye” («Кошачий глаз») и Э. Уокер “The Color Purple” («Цветы лиловые полей»), в которых моделируется расовая, имущественно-классовая, гендерная и профессиональная социальная самоидентификация персонажа.

Пример 1. Эксплицитная языковая социальная самоидентификация персонажа:

“I’m pore, I’m black, I may be ugly and can’t cook... But I’m here” [23, p. 102] / «Я бедная, я чернокожая, может, я уродина и не умею готовить... Но я здесь».

В приведенном фрагменте романа Э. Уокер “The Color Purple” автор моделирует **эксплицитную языковую социальную (имущественно-классовую и расовую) самоидентификацию персонажа** Сели. Согласно авторской интенции, персонаж идентифицирует себя с социальными группами «класс неимущих» и «негроидная раса».

Языковыми маркерами эксплицитной языковой социальной самоидентификации персонажа выступают:

- соционимы **pore** (графон **poor** / (бедный)) и **black** / (чернокожий), обозначающие значимые для персонажа социальные группы:

Poor [adj 1] *lacking sufficient money see concept 334 financial quality* («не имеющий достаточно денег; см. понятие 334 финансовое положение») [22, p. 610, 920];

Black [n, adj] *African-American see concept 380 ethnic group: nationality, people, race, strain, tribe* («афроамериканец; см. понятие 380 этническая группа: национальность, народ, раса, род, племя») [Ibidem, p. 81, 924];

- адъективное предложение: местоимение первого лица единственного числа **I** в функции подлежащего, глагол-связка **am**, соционимы **pore** и **black** в функции предикатива.

Отрицательная оценка персонажем номинируемой расовой и имущественно-классовой идентичности имплицитно:

- прилагательным отрицательной оценочной направленности **ugly** и отрицательной формой модального глагола умения **can** (*can’t cook – не умею готовить*) в тождественных соционимам **pore** и **black** синтаксических позициях однородных сказуемых;

- антонимическими отношениями соционимов **pore** и **black** и наречием положительной оценочной направленности наречия **here** в значении **alive – in the present life or state** («живой – находящийся на этом свете, здравствующий») [20], которые воспринимаются читателем как контекстуальные антонимы в тождественных синтаксических позициях предикативов в параллельной конструкции предложений, связанных противительной союзной связью (*I’m pore, I’m black... But I’m here*);

- дистанционным повтором идентификационной формулы в речи антагониста Сели, безымянного Мистера, где **pore** и **black** выступают контекстуальными синонимами словосочетания **nothing at all** (*ничто*) («*Who you think you is? he say. <...> Look at you. You black, you pore, you ugly, you a woman. Goddam, he say, you nothing at all*» [23, p. 102]) / «Да что ты о себе возмнила? – говорит он. <...> Ты посмотри на себя. Ты черная, ты бедная, ты уродина, ты женица. Черт поberi, – говорит он, – ты ничто»).

Пример 2. Имплицитная языковая социальная самоидентификация персонажа:

So I am left to the girls, real girls at last. But I am not used to girls, or familiar with their customs <...> A girl called Carol Campbell makes friends with me. <...> Carol invites me to her house after school <...> The living room has a sofa and two chairs and matching drapes, all of a flowered <...> material Carol says is chintz. She pronounces this word with awe, as if it’s the name of something sacred, and I repeat it silently to myself: chintz [15, p. 56].

Her [Mrs. Campbell’s] hair is <...> done in a cold wave all over her head. It’s Carol who points out that this is a cold wave. <...> ‘You didn’t know what a cold wave is?’ She says delighted. She’s eager to explain things to me, name them, display them. <...> ‘You’ve never seen a coat tree [Ibidem, p. 56-60].

Итак, наконец-то я предоставлена девочкам, настоящим девочкам. Но я не привыкла к девочкам, не знакома с их обычаями. <...> Девочка по имени Кэрл Кемпбел теперь дружит со мной <...> После школы она приглашает меня к себе домой. <...> В гостиной диван и два стула и шторы в цвет, все из ткани в цветочный <...> рисунок, ткани, которую Кэрл называет ситцем. Она произносит это слово с благоговением, словно это название чего-то священного, и я повторяю про себя: ситец.

У нее (Миссис Кэмбелл) химическая завивка. Кэрл уточняет, что это химическая завивка <...> «Так ты не знала, что такое химическая завивка? – произносит она довольно. Она с жадностью все мне объясняет, все называет, все показывает. <...> «Ты никогда не видела вешалку.

В приведенном примере моделируется **имплицитная языковая социальная (гендерная) самоидентификация** протагониста романа М. Этвуд “Cat’s Eye” восьмилетней Элейн. Героиня идентифицирует себя с подругой Кэрл – значимым «Другим», который воплощает желанные для Элейн и присущие женскому гендеру стереотипы поведения, нормы, цели, роли, установки и ценности (*So I am left to the girls, real girls at last. But I am not used to girls, or familiar with their customs <...> A girl called Carol Campbell makes friends with me* [Ibidem, p. 62]). Так, имитируя речь подруги, Элейн осваивает новые лексемы – языковые обозначения новых реалий женского мира.

Языковыми маркерами имплицитной языковой социальной самоидентификации персонажа выступают:

- лексемы **“chintz”**, **“cold wave”**, **“coat-tree”** («*a flowered <...> material Carol says is chintz*» / («ткани, которую Кэрл называет ситцем»), «*I repeat it silently to myself: chintz*» / («я повторяю про себя: ситец»), «*‘You didn’t know what a cold wave is?’*» / («Так ты не знала, что такое химическая завивка?»), «*‘You’ve never seen a coat tree?’*» / («Ты никогда не видела вешалку?»));

- **курсив** – индикатор специального просодического выделения данных языковых единиц в речи персонажей (логического ударения, эмоционально окрашенного кинетического тона, паузы перед словом и снижения темпа речи);

- **глаголы цитирования** и характеризующие их **наречия, а также номинативные словосочетания в функции обстоятельств образа действия** («*says is chintz*» / (называет ситцем), «*pronounces with awe*» / (произносит с благоговением), «*I repeat it silently to myself*» / (я повторяю про себя).

Перечисленные языковые средства включены в речевые сегменты Кэрол и Элейн.

О значимости лексем “*chintz*”, “*cold wave*”, “*coat-tree*” для гендерной самоидентификации персонажа свидетельствуют их многократные дистанционные повторы в тексте романа. Лексемы включаются автором в описание развивающейся дружбы девочек (главы 9, 10), сюжетов картин тридцатилетней Элейн (глава 60), города детства, в который она возвращается в шестьдесят лет (главы 64, 67) [Ibidem, p. 56-62, 164, 173, 189].

В речи Элейн лексемы имплицитно указывают на женский гендер, с которым героиня хочет быть идентифицирована (“*I begin to want things I’ve never wanted before: braids, a dressing gown, a purse of my own. Something is unfolding, being revealed to me. I see that there’s a whole world of girls and their doings that has been unknown to me, and that I can be part of it without making any effort at all*” [Ibidem, p. 65] / «Я начинаю хотеть вещи, которые никогда не хотела раньше: косы, платье, собственную сумочку. Что-то открывается мне, показывается мне. Я наблюдаю **целый мир девочек** и их дел, до сих пор мне **неизвестный**, частью которого я могу стать, не прикладывая никаких усилий». Положительная оценка персонажем конструируемой идентичности объективирована:

- эпитетами положительной оценочной направленности, которыми характеризуются сами лексемы “*chintz*”, “*cold wave*” и “*coat-tree*”, а также обозначаемые ими предметы и манера произнесения лексем персонажами («*to be admired*» / (достойный восхищения), «*required*» / (необходимый), «*with awe*» / (с благоговением), «*sacred*» / (священный), «*delighted*» / (радостно, довольно), «*eager*» / (жадно).

Пример 3. Имплицитная неязыковая социальная самоидентификация персонажа:

<...> *This woman’s got about ten heavy silver rings strung onto her fingers like knuckle dusters. <...> There are two more women; each of them looks five times more artistic than I do. They have abstract art earrings, hair arrangements. I am feeling dowdy. <...> Andrea <...> has red hair out of a spray can and no apologies, cut into a cap like an acorn* [Ibidem, p. 41]. / <...> *На этой женщине порядка десяти массивных серебряных колец, натянутых на ее пальцы как кастеты <...> Там еще две женщины; каждая из них раз в пять больше похожа на художницу, чем я. У них абстрактные серьги, прически сложной конфигурации. Я чувствую себя неказистой <...> У Андреа <...> красные волосы оттенка краски из баллончика и, никаких извините, они острижены под горшок наподобие жёлудя.*

Имплицитная неязыковая социальная (профессиональная) самоидентификация моделируется в цитируемом тексте посредством элементов **портретной характеристики** персонажей. Сравнивая свой внешний вид с обликом более претенциозных коллег (*each of them looks five times more artistic than I do – каждая раз в пять больше похожа на художницу, чем я*), Элейн совершает акт профессиональной самоидентификации.

Языковыми маркерами имплицитной неязыковой социальной самоидентификации выступают **языковые единицы, формирующие портретную характеристику** художниц и обозначающие:

- необычную прическу («*hair arrangements*» (прически сложной конфигурации), “*red hair out of a spray can and no apologies, cut into a cap like an acorn*” (красные волосы оттенка краски из баллончика и никаких извините, остриженные под горшок на подобии жёлудя));

- яркие авангардные украшения (“*ten heavy silver rings <...> like knuckle dusters*” (десять массивных серебряных колец <...> как кастеты), “*abstract art earrings*” / (абстрактные серьги)).

Оценка персонажем собственной профессиональной идентичности и идентичности коллег в цитируемом тексте носит амбивалентный характер.

Персонаж проигрывает коллегам при сравнении внешних проявлений профессионализма. Положительная, на первый взгляд, оценка «Другого» объективирована сравнением «*looks five times more artistic than I do*»; отрицательная самооценка объективирована эпитетами отрицательной оценочной направленности *dowdy* / (неказистый, старомодный) («*I am feeling dowdy*» / Я чувствую себя старомодной/неказистой: **dowdy – not neat or becoming in appearance: shabby; lacking smartness or taste** / неказистый – неаккуратный или внешне нелестный; потрепанный; не обладающий элегантностью или стилем [20]).

В то же время существительное *arrangements* / (конфигурации), перифрастически обозначающее прически, указывает на ироническое отношение Элейн к чрезмерному подчеркнутому вниманию коллег к внешнему виду (*arrangement – the way that things or people are organized for a particular purpose or activity; the way that things or people are arranged; something made by arranging parts or things together <a floral arrangement> / способ организации вещей или людей для специальной цели или деятельности; нечто, составленное из частей или нескольких вещей в единое целое* [Ibidem]). Языковые единицы в составе портретной характеристики художниц (стилистическое сравнение “*rings <...> like knuckle dusters*” / (кольца <...> как кастеты), эпитет *heavy* / (тяжелый, массивный) («*heavy silver rings*» – массивные серебряные кольца), эпитет “*no apologies*” / (никаких извините) имплицитно отрицают отрицательную оценку персонажем того типа профессиональной идентичности, который конструируют коллеги. Данные языковые единицы актуализируют отрицательные узуальные и окказиональные значения:

heavy (*especially of something unpleasant*) of very or especially great force, amount, or degree;

used to describe something such as a situation that is **dangerous** or **unpleasant** / **тяжелый** – (особенно **о чем-либо неприятном**) очень большой или необычайной силы, объема или степени; используется для описания чего-либо **опасного** или **неприятного** [17];

knuckle dusters – a metal **weapon** that is worn over the knuckles and is **intended to increase the injuries caused when hitting a person** / **кастет** – **металлическое оружие**, которое надевается на кулак и **предназначено для увеличения повреждений, наносимых людям при побоях** [Ibidem];

apology – an act of saying that you are **sorry for something wrong you have done** / (извинение – акт высказывания **сожаления о чем-либо неправильном, что было сделано**) [Ibidem].

Развитие сюжетной линии Главы 17 (интервью, которое молодые коллеги берут у состоявшейся в профессии Элейн в честь открытия ее персональной выставки) обнаруживает предвзятый, жесткий и поверхностный взгляд художниц на творческий процесс. Итогом моделируемой имплицитной неязыковой профессиональной самоидентификации персонажа становится эксплицитное заключение: *«they are a species of which I am not a member»* / *они – вид, которому я не принадлежу* [15, p. 42].

Итак, в соответствии с интересами современной парадигмы научного знания, в фокусе внимания которой находится человек, ключевыми элементами личности человека и значимыми понятиями при научном описании реальной и изображенной коммуникации признаются социальная идентичность и социальная самоидентификация. Средства социальной самоидентификации многообразны и могут быть классифицированы на языковые и неязыковые. К языковым средствам социальной самоидентификации оправданно отнести художественный текст – индивидуально-авторскую художественную модель действительности, в которой автор воспроизводит значимые социальные реалии и процесс становления представлений индивида о себе и своем месте в мире. Автор художественного текста идентифицирует себя, моделируя процесс социальной самоидентификации персонажа. Эксплицитная авторская оценка социальной идентичности, которую, согласно авторской интенции, конструирует персонаж, в текстах современной литературы обычно отсутствует. Читатель делает вывод об эмоционально-оценочном отношении к социальной идентичности персонажа и опосредованно автора, интерпретируя импликационал языковых единиц, функционально направленных на моделирование процесса социальной самоидентификации. С учетом выделяемых в лингвистической науке средств реальной самоидентификации, понимания художественного текста как вторичной моделирующей системы и в соответствии с уровнем экспликации и вербализации моделируемого процесса целесообразно разграничивать: эксплицитную языковую, имплицитную языковую и имплицитную неязыковую социальную самоидентификацию персонажа.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 302 с.
3. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: дисс. ... д. филол. н. Нижний Новгород, 2005. 407 с.
4. Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. 384 с.
5. Катанова Е. Н. Функциональный анализ самоидентифицирующихся высказываний (на материале американских и британских парламентских дебатов): автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2009. 24 с.
6. Косолапов Н. А. Идентичность // Глоссарий по политической психологии. М.: РУДН, 2003. С. 102.
7. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90-106.
8. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы: монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 14-285.
10. Сорокин П. А. Символы в общественной жизни. Рига: Наука и жизнь, 1913. 48 с.
11. Щирова И. А. Психологический текст: деталь и образ. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2003. 120 с.
12. Щирова И. А. Текст сквозь призму сложного. СПб.: Политехника-сервис, 2013. 216 с.
13. Щирова И. А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX в. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2000. 210 с.
14. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3-4. С. 158-181.
15. Atwood M. *Cat's Eye*. London: Virago Press, 2008. 502 p.
16. Auer P. *Style and Social Identities: Alternative Approaches to Linguistic Heterogeneity*. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2007. 513 p.
17. **Cambridge Dictionary Online** [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 17.03.2016).
18. Le Page R., Tabouret-Keller A. *Acts of Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 285 p.
19. Mead G. H. *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist* [Электронный ресурс] / Edited by Charles W. Morris. URL: http://www.brocku.ca/MeadProject/Mead/pubs2/mindself/Mead_1934_toc.html (дата обращения: 17.03.2016).
20. **Merriam Webster Dictionary Online** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 17.03.2016).
21. Proshansky H., Fabian A., Kaminoff R. *Place Identity: Physical World Socialization of the Self* // *Journal of Environmental Psychology*. London: Academic Press, 1993. № 3. P. 57-83.
22. **Roget's 21st Century Thesaurus**. 2nd edition. N. Y.: Barnes & Noble, 1999. 957 p.
23. Walker A. *The Color Purple*. N. Y.: Open road integrated media, 2011. 142 p.

**TYPOLOGY OF LANGUAGE MEANS OF THE MODELING
OF CHARACTERS' SOCIAL SELF-IDENTIFICATION
(BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH PROSE OF THE XX CENTURY)**

Gusakova Tat'yana Germanovna
Herzen State Pedagogical University of Russia
gusakovatesol@gmail.com

The article proposes a typology of language means of the modeling of characters' social self-identification, based on the typology of the means of human self-identification in real communication. Literary text is understood here as a secondary modeling system, the author of which reproduces the reality in a general way. The author of the article singles out verbal (explicit and implicit) and non-verbal means of characters' social self-identification. The research involves the data of sociolinguistics and lexical semantics.

Key words and phrases: artistic model; social self-identification; social identity; means of social self-identification; implicit self-identification; explicit self-identification.

УДК 81

Статья раскрывает понятие эмоционального концепта «радость», особенности его отражения в языке и затрагивает вопрос определения роли данной эмоции в процессе межкультурного общения, а также знакомит с разнообразными средствами вербализации концепта «радость», которые обладают схожими и специфическими для определенной этнолингвокультуры особенностями языкового выражения данной эмоции в английском, немецком и русском языках.

Ключевые слова и фразы: эмоциональный концепт; эмоциональное состояние; радость; вербальное выражение эмоций; свободное словосочетание; фразеологическая единица; сходство; различие.

Дмитриева Юлия Владимировна, к. филол. н.
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)
Пермского государственного национального исследовательского университета
j.v.dm@mail.ru

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ» И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Исследование концептов является одним из важнейших направлений развития современной лингвистики. Эмоциональный концепт – это ментальная абстрактная единица, отражающая многовековой опыт народа в виде общеуниверсальных и культурно-специфических представлений об эмоциональных переживаниях. С точки зрения лингвистики, для ученых весьма значимо выражение эмоций человека языковыми единицами и их отражение в устной и письменной речи.

Эмоции – специфический способ отражения активного процесса взаимодействия человека с реальностью, в результате которого у него появляются переживания, передающие его индивидуальное отношение к определенным реалиям действительности. Так, радость человека проявляется следующим образом: глаза наполняются блеском, губы растягиваются в улыбку, брови при этом расслаблены.

Радость входит в список фундаментальных эмоций и обладает такими основными характеристиками, как универсальность, узнаваемость, возможность вербализации. Радость является одной из универсальных эмоциональных состояний человека и характеризуется как одна из основных положительных эмоций человека, внутреннее чувство удовлетворения, удовольствия и счастья [13, с. 630].

Эмоциональное состояние «радость» с точки зрения языковой объективации и описания невербальных проявлений переживания данной эмоции привлекла внимание многих исследователей, однако концепт «радость» не получил достаточного освещения в сопоставительных исследованиях английской, немецкой и русской этнолингвокультур.

П. Экман различил семь человеческих эмоций, которые были названы основными (универсальными), в связи с возможностью их непосредственного отражения на лице: радость/счастье, удивление/изумление, страх, отвращение/презрение, печаль, гнев/ярость и интерес/любопытство [16].

Данные эмоции признаны универсальными (международными), поскольку они схожим образом толкуются носителями разных языков. Все остальные эмоции относятся данным ученым к дополнительным и различающимся в каждой культуре.

Однако, по мнению исследователей, занимающихся изучением невербального поведения, устойчивыми и более или менее однозначными являются лишь экспрессивные коды основных эмоциональных состояний человека. Остальные способы невербального кодирования подвержены влиянию огромного числа факторов и зависят от ситуации общения, пола, возраста, степени значимости собеседников друг для друга, культурных и этнических норм, индивидуальных особенностей личности [7, с. 168].